

18+

Андрей Казаков

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

Сборник рассказов

Андрей Казаков

**Люди гибнут за металл.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Казаков А.

Люди гибнут за металл. Сборник рассказов / А. Казаков — «Издательские решения»,

«Люди гибнут за металл» — сборник ироничных и сюрреалистичных историй с элементами чёрной комедии о том, что алчность, трусость и жажда лёгких решений не доводят до добра. В городе N мэры превращаются в статуи, похитители тел сталкиваются с мистическим возмездием, а чиновники оказываются киборгами. Корпорация Tabula Rasa запускает приложение, стирающее память, — но цена за цифровое забвение выше, чем готов заплатить человек. Книга содержит нецензурную брань.

© Казаков А.

© Издательские решения

Содержание

Люди гибнут за металл	6
Бронзовый	7
Похищение	14
Мария Магдалина	19
Случаи	25
I'll be back I	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Люди гибнут за металл

Сборник рассказов

Андрей Казаков

© Андрей Казаков, 2026

ISBN 978-5-0069-9036-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Люди гибнут за металл

Сборник рассказов

Бронзовый

*«Кто же его посадит? Он же памятник!»
из фильма «Джентльмены удачи»*

С Андреем Тимофеевичем Ермаковым это началось сразу после того, как его во второй раз подряд избрали мэром города N.

Накануне этого злополучного дня он занимался с внуком: покрывал бронзовой краской изготовленную из гипса сову. Женька учился на художественном отделении школы искусств и частенько приносил с занятий фигуры зверей и птиц, которых мастерил на уроках. Иногда он не успевал их покрасить в школе, и тогда ему на помощь приходил дед, который души в нем не чаял и всегда выделял среди других внуков — преподносил самые дорогие подарки и брал с собой в отпуск на море.

Такое трепетное отношение к нему было вполне понятным: младший сын его старшей дочери напоминал ему самого себя в возрасте десяти лет. Будущий мэр города рос тучным и мрачным парнем. На широком и вечно лоснящемся от пота лице близко к переносице были посажены глаза, которые, казалось, не просто смотрели на предметы и людей, а царапали их взглядом, оставляя тонкие и глубокие прорезы. Его любимым обращением к ровесникам было слово «дистрофан». Эта привычка доставляла ему немало проблем. Большинство сверстников не могли терпеть такого пренебрежительного к себе отношения и Андрюша частенько носил на своём лице багровые синяки, но манеру общения менять и не думал. Возможно, именно это упрямство и помогло ему стать секретарем комсомольской организации города N, окончить ВПШ — высшую партийную школу, где обучались руководящие советские кадры, в начале «лихих 90-х» приватизировать молочный и хлебный заводы, а впоследствии стать мэром.

— Деда, смотри, что мы сегодня сделали, — сказал Женька и протянул деду фигурку совы, размером со свою голову. — Осталось покрасить, и всё готово.

— Ах, какая красота! — притворно удивился дед корявой работе внука и принялся рассматривать птицу. — Это же надо было так постараться. Какой ты молодец, Женька. А чем будем красить?

— Нужна бронзовая краска. Тогда будет богато смотреться. Нам так учитель сказал.

— Правильно он сказал. А потом, когда мы всё закончим, ты мне подаришь эту сову?

— Конечно, деда, чего ты спрашиваешь!

— Вот спасибо! Уважил старика. Я ее на рабочий стол поставлю, на самое видное место.

Ты знаешь, что эта птица обозначает?

— Нет, — признался внук и начал ковырять пальцем в носу.

— Не ковыряйся в носу, — серьёзно сказал дед, — а то палец сломаешь. Сова — это мудрость. А знаешь почему?

— Нет.

— А ты подумай.

— Я не знаю, — опустил голову Женька.

— Совы видят ночью, а благодаря своей шее могут осматривать всё вокруг себя, не двигаясь с места.

— А при чём здесь мудрость?

— Это образно. Видеть ночью и всё вокруг, значит быть проницательным.

— Каким?

— Проницательным. Это значит наблюдательным и умеющим предвидеть ход событий.

Сейчас я тебе одну книжку покажу, там об этом всё написано.

Андрей Тимофеевич тяжело поднялся с дивана и подошел к небольшому книжному шкафу, находившемуся рядом с тумбой, на которой стоял широкоформатный телевизор. Порывшись на верхней полке, он взял с неё «Энциклопедию животного мира» и протянул внуку.

— Не хочу читать, ты лучше сам расскажи, — занял Женька.

— Ладно, вместе потом почитаем, — сказал дед и, сунув книгу подмышку, притворил дверцу шкафа. — А краску тебе в школе выдали?

— Нет. Михаил Иванович сказал, чтобы мы сами купили.

— Что значит сами? У них что там, в школе, денег, что ли, на краску нет? Совсем обнаглели. Они же недавно грант выиграли, а денег уже нет. Надо будет проверить их отчётность.

— Да тут нужно совсем немного, — загундосил Женька. — Поедем в магазин.

Андрей Тимофеевич и дальше бы возмущался отсутствию учебных материалов в школе искусств, но внук уже тянул деда в гараж, где стоял новенький Mercedes Maybach, о котором говорили, что мэр приобрёл его после того, как на центральной площади и близлежащих улицах города появилась тротуарная плитка.

Купив в хозяйственном магазине баллончик бронзовой краски, дед с внуком устроились в гараже за верстаком и начали работу. Конечно, логичнее бы было красить кистью, так как оперение совы имело сложную конфигурацию, но Андрей Тимофеевич решил не заморачиваться и использовал баллон.

— Помнишь, в мультфильме про Вини Пуха сова была? — обратился к внуку дед. — Она так еще смешно говорила: «Подарить тебе безвозмездно!»

— А что это значит — безвозмездно?

— Значит бесплатно.

— А разве можно дарить за плату? — удивился Женька.

— Можно, можно, у нас все можно, — заверил его дед.

В процессе работы Андрей Тимофеевич испачкал руки бронзовой краской и потом долго оттирал их тряпкой, смоченной пахучим растворителем, но безуспешно. Поэтому, когда глава проснулся утром и, ещё лёжа под одеялом, обнаружил, что кончики его пальцев имеют бронзовый цвет, он ничуть не удивился. Но после того как сел на кровати и по своему обыкновению начал проверять сообщения, пришедшие на мобильный телефон, заметил, что кожа и на кончиках пальцев ног тоже имеет красно-коричневый оттенок.

Андрей Тимофеевич очень удивился этому обстоятельству и подумал, что его подводят глаза. Он взял с прикроватной тумбочки очки и, повесив их на нос, понял, что зрение его не обманывает. Это открытие удивило мэра. Он резко поднялся с кровати и отправился в ванную, где, кряхтя от напряжения, долго тёр мочалкой пальцы рук.

Всё это время Андрей Тимофеевич пытался понять, как краска попала на ноги. Сначала он подумал, что, возможно, ночью чесался, но быстро сообразил, что такое движение ему будет не под силу: арбузной формы живот помешал бы ему это сделать. Тогда глава города разбудил жену и показал ей свои конечности, которые, как ему казалось, уже начали холодеть. С трудом отойдя от сна, шестидесятилетняя женщина выслушала своего испуганного мужа и полезла в интернет изучать вопрос.

Справедливости ради надо сказать, что Андрей Тимофеевич никогда не был паникёром. Он был спокоен даже тогда, когда к нему с обыском пришли полицейские, пытаясь обвинить в незаконных рубках леса. Но стоило ему сделать один звонок «наверх», как стражи порядка вынуждены были ретироваться из покоев мэра, возведенных в стиле цыганского барокко. Однако медленно бронзовеющие пальцы все же смогли его испугать.

Понятное дело, что Тамара Львовна ничего не нашла на медицинских сайтах всемирной паутины и отправила своего мужа к доктору.

— Как думаешь, что это может быть? — спрашивал Андрей Тимофеевич у Аристарха Борисовича, главного врача местной больницы, когда тот по первому зову мэра явился к нему на приём.

— Ума не приложу, — отвечал эскулап, бережно держа перед глазами десницу своего хозяина. — И на ногах такое же?

— Да, — ответил глава города и быстрыми движениями снял туфли.

Аристарх Борисович медленно опустился на колени у ног Андрея Тимофеевича и осторожно снял с его ног густо пахнущие носки.

— Больше всего меня беспокоит то, что они холодеют и, как мне кажется, начинают неметь.

— Все это очень странно, — задумчиво проговорил главврач, продолжая осмотр ног. Вам бы надо врачу показаться.

— А ты, что, не врач что ли? — удивился мэр.

— Я же больше по административной части. Давно уже не практиковал.

— Тогда посоветуй мне кого-нибудь.

Обув своего начальника, главврач поднялся с колен и достал из кармана мобильный телефон.

— Аллю, — проговорил он в трубку. — Виктор Иванович? Добрый день.

Разговор длился около десяти минут. За это время Аристарх Борисович рассказал ведущему терапевту областной клиники, с какой проблемой столкнулся его шеф, и тот согласился его посмотреть.

— Возможно, это новая форма гангрены, — говорил он своему коллеге, — ещё не изученная. Надо торопиться. Пусть приезжает, я его лично приму.

Перепуганный до смерти Андрей Тимофеевич уехал в областной центр сразу после аудиенции с главным врачом. Через сотню километров он попросил своего водителя остановиться. Нервничая, глава города всегда пил много воды и поэтому часто ходил в туалет. Егор притормозил у придорожного кафе, чтобы, пока его шеф посещает гальюн (водитель главы отслужил в военно-морском флоте и по-другому сортир никогда не называл), успеть выпить двойной эспрессо.

Андрей Тимофеевич зашел в кабинку туалета, расстегнул ширинку и достал член, который, как ему показалось, тоже был мертвенно холодным.

— Этого еще только не хватало, — проговорил он и почувствовал, как весь покрывается ледяным потом.

С трудом справив нужду, он попытался рассмотреть свой детородный орган, но округлый живот не позволял ему этого сделать. Выругавшись, он выбежал из туалета и, вернувшись к машине, потребовал у водителя зеркало.

— В туалете же есть, — ответил Егор.

— Если бы было, я бы у тебя не спрашивал, — процедил сквозь зубы мэр. — Разбили какие-то отморозки.

— Да нет у меня никакого зеркала, — пытался отмахнуться от просьбы своего шефа водила.

— Не найдешь, будешь боковое снимать, — пригрозил Андрей Тимофеевич.

— Хотя нет, погодите.

Водила открыл бардачок и, порывшись в нем, достал черную косметичку, на которой стразами было вышито слово «LOVE».

— Это Веркина что ли? — удивленно спросил глава города.

— Да, её, — проговорил Егор, смущаясь. — Помните, вы с ней на «Сосновой даче» отдыхали? Вот она её у меня тогда и оставила, а я всё забываю отдать. Может быть, здесь зеркало есть?

Андрей Тимофеевич нервно потянул бегунок молнии, но сделал это настолько неудачно, что уже на середине под неё попала ткань.

— Б...ть! — вскрикнул мэ́р и, погрузив пальцы в образовавшееся отверстие, разорвал застёжку.

Потом он вытряс содержимое косметички на сиденье. Среди помады, теней, лаков и другой мелочи из неё выпало круглое зеркальце в кожаной оправе. Отбросив пострадавшую сумочку, Андрей Тимофеевич с зажатым в широкой ладони зеркальцем стремительно покинул служебный Land Cruiser Prado, громко хлопнув задней дверью.

Заперевшись в кабинке, он поднёс зеркальце своей любовницы к члену и обнаружил, что тот тоже стал бронзового цвета.

— Да, что же это такое! — заплакал Андрей Тимофеевич и плюхнулся на унитаз, раздавив своим массивным задом его крышку.

Закрыв одной рукой лицо, он начал другой сжимать детородный орган в руках, пытаясь согреть, но все попытки привести его в чувство оказались безуспешными.

— Мужчина, вы надолго там? — раздался женский голос за дверью. — Тут у ребёнка живот болит. Можно побыстрее, пожалуйста, все свои дела сделать!

— Надо когти рвать, — вздохнул чиновник и поднялся с унитаза.

Натянув штаны и утерев лицо бумажным полотенцем, он вышел из туалета и решительными шагами направился к машине.

Оставшиеся сто километров до областного центра они ехали молча. Андрей Тимофеевич лишь громко вздыхал и еле слышно переговаривался по телефону со своей супругой, а Егор не лез с разговорами и не включал его любимый «Лесоповал». Не стали они останавливаться и в «Арагви» — грузинском ресторане, расположенном на въезде в город. А когда мэ́рскомандовал проехать мимо, Егор стал ещё мрачнее.

«Он же никогда мимо не проезжал. Всегда обедал и три рюмочки выпивал, — размышлял он. — Неужели его опять ОБЭП областной дёргает? Не дай Бог, закроют Тимофеича, и я тогда с работы вылечу, и Верка мне давать перестанет».

Водила немного успокоился, когда они остановились у областной клинической больницы.

— Здесь меня жди и чтоб никуда, понял? — приказал Андрей Тимофеевич водителю и быстрым шагом направился к воротам лечебного корпуса.

«Хоть не ОБЭП — и то хорошо. Наверное, со здоровьем что-то неладное, — подумал Егор. — Хоть бы уж всё нормально было. Вернёмся домой, надо свечку за его здоровье поставить».

Поднимаясь на лифте в кабинет ведущего терапевта, Андрей Тимофеевич обнаружил, что и кожа на его ладонях уже начала приобретать бронзовый цвет. Посмотрев в зеркало, он увидел грузного и уставшего седого человека в нелепо сидящем сером костюме с красно-коричневыми перчатками на руках.

— Таким темпами скоро и рожа станет бронзовой, — сказал вслух мэ́р и вышел из лифта в больничный коридор.

Виктор Иванович осматривал Андрея Тимофеевича минут тридцать. Ведущий терапевт постарался успокоить своего пациента, сказав ему, что это новый вид пигментации кожи, который, при соблюдении всех рекомендаций, скоро пройдёт. Выписав чиновнику лекарства, в конце приема он тихим голосом спросил у Андрея Тимофеевича о том, можно ли в его районе купить качественный пиломатериал для бани. Мэ́р, чувствуя себя обязанным врачу, тут же поинтересовался, какой нужен лес и сколько кубометров. Потом записал номер телефона Виктора Ивановича и заверил, что уже завтра машина с липовой вагонкой будет стоять у ворот его дачи.

На обратном пути они заехали в «Арагви», где Андрей Тимофеевич, снимая стресс, выпил несколько рюмок чачи и закусил долмой. Лицо главы раскраснелось, кровь стала быстрее бежать по венам, и ему даже показалось, что его пальцы стали немного теплее.

После обеда чиновник задремал в машине. В этот момент на телефон Егора пришло сообщение от Веры: «Что там с папиком?» Чтобы не отвлекаться на набор смс, он позвонил своей любовнице.

— В больницу ездили, — почти шёпотом проговорил он. — Сейчас спит после «Арагви». А что? Переживаешь?

— А ты хочешь сказать, что нет? — упрекнула его Вера.

— Есть малёха.

— То-то же. Если Тимофеич оттопырится, кому мы с тобой нужны будем?

Егор хотел сказать, что это она никому будет не нужна, но промолчал. Сорока пятилетняя разведенная женщина только для Андрея Тимофеевича, который был на двадцать лет её старше, оставалась всё ещё свежей и привлекательной. А вот для других более молодых мужчин, в том числе и для самого Егора, она уже была не настолько интересной. Морщины на лице и пониженный тонус кожи, особенно на руках и шее, являлись чётким маркером её немолодого возраста. Особенно ей не нравилась глубокая складка между бровями, которая, словно большой каньон разделяла верхнюю часть лица на две половины. Именно эта борозда и заставила её начать делать первые омолаживающие уколы. Егор, будучи ровесником Веры, встречался с ней только из-за того, что она имела влияние на их шефа. В постели это его заводило.

Вернувшись домой, Андрей Тимофеевич успокоил свою жену, сказав о том, какой диагноз ему поставили в областной клинике. Обильно поужинав, он принял таблетки, которые прописал врач, намазался всеми прописанными ему мазями и лёг спать.

Утро следующего дня удивило главу не меньше, чем предыдущее. Проснувшись, он обнаружил, что теперь его руки до локтей и ноги до колен тоже имеют бронзовый цвет.

— На шофёрский загар похоже, — сказал он жене, рассматривая себя в зеркале. — И лекарства почему-то не помогают.

— Ты хочешь, чтобы они с первого раза помогли? — проговорила Тамара Львовна. — Так не надейся, они имеют накопительный эффект. Нужно весь курс пройти, чтобы помогло.

Андрей Тимофеевич согласился с женой и для того, чтобы лечение пошло ему на пользу, остался дома.

Спустя полчаса зазвонил его мобильный телефон.

— Да, Пётр Фёдорович. Когда? Ждёт? На х.. его пошли. Скажи, чтобы сам всё написал и мне на согласование представил. Когда? А газета когда выходит? Тогда чтобы завтра интервью было у меня на электронке. Да, именно так. Я скоро выйду, но, скорее всего, пару деньков ещё поваляюсь. Отлежаться надо. Нет, не корона. Ладно. Всё. Отбой.

Андрей Тимофеевич отключил сотовый и смачно выругался.

— Что случилось, Андрюша? — спросила Тамара Львовна.

— Журналист пришёл из газеты, ему, видите ли, надо интервью у меня взять.

— И что в этом такого?

— А то, что я русским по белому редактору сказал, чтобы они сами всё грамотно сформулировали и мне представили. А им, видите ли, надо, чтобы я какой-то вектор направления им задал. Тьфу, — сплюнул глава. — Вот выйду, уволю всех на х... Такой вектор им в одно место вставлю, что они у меня сразу поймут, какое направление им задаётся.

Целый день Андрей Тимофеевич безвылазно просидел дома, постоянно контролируя процесс своего «бронзовения». На ужин он выпил свои три дежурные рюмки водки и задремал в спальне под футбольный матч. Очнулся он, когда за окнами уже начало смеркаться. На землю тихо опускался прохладный августовский вечер. Дул легкий ветерок, который освежал нагретую за день землю и наполнял комнату главы запахами яблоневого сада.

Лёжа на правом боку, Андрей Тимофеевич поднял вверх левую руку и увидел, что она уже вся имеет бронзовый цвет. Однако он уже как-то совершенно спокойно отнёсся к этому процессу, потому что внезапно понял, его необратимость.

— За что? За что мне всё это? Я жить хочу! — сказал он самому себе и вдруг услышал внутри себя голос:

— Жить? Как жить?

— Хорошо и приятно, — уверенно ответил чиновник. — Мне еще внуков надо на ноги поднять.

— А хорошо ли ты жил? — не унимался внутренний голос.

После этих слов Андрей Тимофеевич начал перебирать в голове все лучшие моменты своей жизни, и теперь они уже не казались ему какими-то значительными и важными. Напротив, все сделанное им за это время выглядело в его душе ничтожным и мелким. Он внезапно понял, что большинство своих побед достиг благодаря интригам и откровенной подлости, за исключением, пожалуй, того времени, когда был ребёнком. Там, в детстве, было действительно что-то хорошее и приятное.

Но как только начались воспоминания о том, кем в настоящее время был Андрей Тимофеевич, тем сомнительнее становились радости. Он вспомнил, как всегда пренебрежительно относился к большинству людей, которые для него служили лишь средством достижения целей. Он никогда не верил ни в какие коммунистические идеалы, но понимал, что должность секретаря комсомольской организации поможет ему в дальнейшей карьере. Если раньше Андрей Тимофеевич всегда радовался тому, что ему тогда хватило ума, как он выражался, попасть в нужную струю, то теперь это достижение предстало перед ним совсем в другом свете.

Когда же память воскресила эпизоды приватизации главных городских заводов, чиновник не выдержал, встал с кровати и прошагал в ванную комнату. Там он взгромоздился на дорогой унитаз, но сосредоточиться не мог, потому что его внутренний голос не затихал:

— Чего же ты хочешь? Продолжать вот так жить?

Андрей Тимофеевич не знал, как ответить на этот вопрос, но и не мог себе признаться в том, что жил неправильно, и что эта странная болезнь является следствием его поступков и сегодняшнего его положения.

— Все, кто хотели в то время чего-то добиться, так жили и сейчас живут, — убеждал он себя. — А что мне надо было? На стройке горбатиться или в колхозе за копейки в навозе тонуть?

Подойдя к зеркалу, он увидел, что его кожа уже практически по всему телу стала бронзового цвета. Лишь лицо и верхняя часть безволосой груди оставались белыми. Понимая, что болезнь прогрессирует, чиновник позвонил лечащему врачу. Виктор Иванович попытался успокоить пациента и сказал ему, что кризис пока не миновал, но уже завтра или в крайнем случае послезавтра ситуация должна начать меняться. Андрей Тимофеевич не поверил эскулапу, но виду не подал, втайне надеясь на то, что доктор окажется прав.

Посидев перед телевизором какое-то время, и убедив себя в правильности своей жизни, глава решил досрочно закончить этот день и выпил несколько таблеток снотворного. Потом лёг в кровать, перевернулся на правый бок и практически сразу захрапел, издавая сложные трубные звуки. Около двух часов ночи кожа на его лице и груди постепенно начала приобретать красно-коричневый оттенок, и когда этот процесс завершился, сердце Андрея Тимофеевича Ермакова остановилось. Еще через час труп мэра города N ооченел и превратился в бронзовую статую.

Спустя девять дней после похорон Женька пришёл навестить Тамару Львовну, которая все эти дни, оплакивая мужа, не снимала с себя траур, и нашел в кабинете деда «бронзовую» птицу, стоящую на томике «Энциклопедии животного мира». Андрей Тимофеевич так и не успел забрать её в свой кабинет. Мальчик открыл книгу на странице, где была статья о совах,

и прочитал следующее: «Сова является амбивалентным символом. Это птица мудрости, но также мрака и смерти. Бесшумный ночной полет, светящиеся глаза и жуткие крики повлияли на то, что сову связывали со смертью и оккультными силами. Ее считали птицей смерти в Древнем Египте, Индии, Центральной и Северной Америке, Китае и Японии. Во многих традициях совы несут угрозу и пророчат беду...»

Похищение

— Живых надо бояться, — изрёк прописную истину Пётр и потрепал сына по затылку.
— Иди вперёд и по сторонам не зыркай. Я за тобой.

Аркадию недавно исполнилось тридцать пять лет, но на вид ему можно было дать как минимум на десять больше. Он был среднего роста, худощавый и белокурый, с нервным лицом и глубокими морщинами на высоком лбу. Поправив висевший за спиной видавший виды рюкзак, Аркадий свернул с дороги на территорию кладбища и, преодолев глубокий кювет, медленно пошёл между могилами, освещая путь фонариком.

Его отец приземистый и широкогрудый мужчина, лет шестидесяти, с густой седой шевелюрой и раскосыми широко посаженными глазами двинулся вслед за ним, неся на правом плече две остро отточенные штыковые лопаты и одну совковую. Оба были одеты в костюмы защитного цвета и обуты в чёрные резиновые сапоги с высокими голенищами.

— У нас в деревне случай был, — начал рассказывать отец. — Сосед рассказывал. Ему несколько раз снился один и тот же сон, в котором его умерший дед просил о помощи. Жаловался, что тяжело ему дышать, что-то сильно на шею давит, вроде удавки какой-то. Тогда сосед решил на кладбище сходить, помянуть родственника и когда пришёл, увидел, что на могилу упала берёза. Он дерево оттащил, крест и холмик поправил, и дед перестал сниться.

— Бать, давай как-нибудь в другой раз расскажешь мне об этом, — возмущенно проговорил Аркадий и, остановившись, направил луч фонарика в лицо отца.

— Что, сдрейфил? — улыбнулся Пётр и обнажил ряд желтых зубов.

— Неприятно, — ответил сын и нехотя продолжил путь.

Сентябрьская ночь была темна и прохладна. Луна иногда выглядывала в прорехи облаков и щедро проливала на кладбище свой холодный свет. Ветер дул порывами и раскачивал кроны деревьев, которые душераздирающе скрежетали ветками, разрывая тишину, нависшую над погостом. Пётр и Аркадий теперь шли молча, лишь изредка отец подсказывал сыну куда следует поворачивать.

— Ну-ка вот сюда посвети, — сказал Пётр и, положив руку на рюкзак, остановил сына.

— Куда? — испуганно спросил Аркадий и оглянулся.

— Вот сюда, — отец кивнул головой в сторону ближайшей могилы, над которой высился гранитный памятник.

Аркадий навёл на него фонарик и в тусклом круге света увидел красивое и наглое лицо молодого бандита. Под портретом буквами с затейливыми вензелями было выведено: «Боря. „Сека“. 1965—1995. Мы запомним тебя таким». Ниже была изображена колода карт и массивный кулак, обхватывающий тюремную решётку.

— Говно был мужик, — проговорил Пётр. — Шибко до денег жадный. В секу шпиллил, как Бог, но до поры, до времени. На том и погорел.

— Мухлевал что ли?

— Да. Его спалили и свои же вздёрнули. Говорят, что тогда из него говна много очень вытекло.

— Когда?

— Когда вешали. У людей же всё расслабляется в этот момент. И мочевой и кишечник. Поэтому такая казнь и считается позорной.

— Пойдём быстрее, — поёжился сын. — Холодно.

— Не ссы в компот, Аркаша, — улыбнулся Пётр, — там повар Вася ноги моет!

Не оценив шутки отца, Аркадий снова двинулся вперёд. Фонарик слабо освещал кладбищенскую тропинку, но глаза уже привыкли к темноте и мужчины уверенно двигались вперёд.

Его глаза, против воли, скользили по силуэтам крестов и памятников, будто выискивая в ночи свидетелей их опасной вылазки. Мысль о том, что он добровольно согласился на это безумие, жгла изнутри горьким стыдом. И только боязнь выглядеть трусом в глазах отца — этого язвительного и бесстрашного циника — гнала его вперёд, к могиле того, кто ещё при жизни успел превратиться в памятник самому себе.

— Ты прикинь, сколько они просто так цветмета в землю зарыли! — говорил Пётр, потирая руки. — Это ж какие там деньги!

— Деньги немаленькие, — соглашался сын, но мы же его всё равно из могилы не вытаскиваем, даже если раскопаем. Он же тяжеленный, там техника нужна.

— А мы его и не будем полностью вытаскивать. Руки, ноги отпилим. Может голову и х... — хохотнул отец. — Нам хватит.

— А сдавать где? В городе же нельзя будет, мусора сразу нас вычислят.

— Потом обмозгуем, главное, чтобы металл на руках был.

Этот разговор состоялся между мужчинами после того, как они сдали в металлолом несколько батарей центрального отопления, взяли на вырученные деньги семь бутылок водки, немного пива и выпили их за одни сутки. Кстати сказать, Аркадий был против покупки пенного напитка, но отец настоял, пообещав напоить его, как он выразился, чётким коктейлем.

— У меня флакон «бояры» заныкан, я тебя шикарной штукой угощу, — заботливо проговорил отец и похлопал сына по сутулой спине.

И действительно, празднование удачной сдачи металла началось для Аркадия с коктейля из смеси водки, пива и настойки боярышника, приправленной острым перцем.

— Помнишь, мы в просрочке «магнитовской» рылись? Я там его и надыбал. Он совсем чуть-чуть подгнивший был, а его уже на помойку.

Когда Аркадий влил в себя эту жидкость, то первое, что он почувствовал, был нестерпимый жар во всём теле, а уже потом хмель ударил по голове тяжёлым молотом.

— Ну, что? — смеясь, говорил Пётр. — Понравилось? Учись, пока я жив.

Дальше мужчины пили уже без изысков, зло и беспощадно, как будто в последний раз.

Проснувшись утром, они заварили себе по бичпакету и начали опохмеляться оставшейся водкой. Тогда-то отец снова заговорил про кладбище.

— Лопаты у нас есть, слава Богу. Могила свеженькая, месяц не прошел, как похоронили, мы её быстро разроем. Там ещё не успели всё плиткой заложить и памятник поставить.

— А если кто-нибудь спалит?

— Да кто нас спалит? Ночью там никого.

— Земля-то свежая будет, когда закопаем, — возражал сын. — Сразу будет понятно, что кто-то могилу раскапывал.

— Она вся венками завалена. Когда её зароем, на место их положим, никто ничего и не заметит.

— А за ночь управимся?

— Должны, — проговорил Пётр, глядя в окно, затянутое полиэтиленовой пленкой. — У нас выхода другого нет. Бронзу сдадим и закодируемся. Хватит уже бухать.

Пётр и Аркадий не были совсем опустившимися алкоголиками. Они не бомжевали, обитая в небольшой избушке на окраине города, однако в любой момент были готовы скатиться в беспросветную нищету. Но так было не всегда. Когда-то они жили в добротном доме, у Петра была красавица жена, а у Аркадия — мать и старший брат.

Пикирование их семьи началось после того, как Виталий — старший сын Петра и Елены, вернувшись инвалидом с первой чеченской войны, покончил с собой. Его убило классическое выражение: «Я тебя туда не посылал», которое сказал ему врач на переосвидетельствовании, лишая инвалидности, а, значит, пенсии и средств к существованию. Полученное ранение не позволяло парню выполнять физическую работу, а образования он не имел.

Елена, не выдержав смерти сына, начала пить. Пётр и Аркадий какое-то время пытались бороться с этим её увлечением, но в скором времени втянулись сами, бросив работу на вахте. Женщина погибла спустя два года, насмерть замерзла в одну из январских ночей: пролезая сквозь забор, она застряла в изгороди и уснула. С тех пор мужчины жили вдвоём, перебиваясь случайными заработками.

— А чем пилить будем? — спрашивал сын, согласившись на уговоры отца.

— Обычной ножовкой по металлу. Бронза же мягкая.

— Всю ночь работать придётся.

— Выспимся хорошенько перед этим делом. И бухать не будем.

Перед выходом на кладбище, мужчины весь день отдыхали. Сыну приснился страшный сон, в котором персонажи его любимого фильма «Золотой телёнок» — Балаганов и Паниковский — пытались отпилить ему голову. Михаил Самуэлевич сидел у Аркадия на груди, зажав ногами руки, и кричал: «Пилите, Шура, она золотая!» А Шура в это время ловко орудовал ножовкой.

Очнувшись от кошмара, Аркадий больше не смог заснуть и непрерывно курил, ожидая, когда отец выспится, и они начнут собираться. Ему не хотелось идти на кладбище, и он молился, чтобы пошёл ливень и помешал им осуществить задуманное, но никаких предпосылок к непогоде не наблюдалось.

— Это же грех большой, покойников тревожить, — проговорил он отцу, питая слабую надежду на то, что он, вспомнив о непреложных человеческих заповедях, передумает.

— А ты представь, что на раскопках, — ответил Пётр, зевая. — Археолог, раскапывающий могилу какого-нибудь фараона. Ермаков в таком виде сейчас как раз на фараона смахивает.

Понимая, что отец останется непреклонным, Аркадий начал складывать в рюкзак заранее заготовленные вещи: две керосиновые лампы, пятилитровую бутылку воды, крупный моток бечёвки, топор, молоток, ножовку и десяток сменных полотен, гвозди и несколько мешков изпод сахара, в которых они планировали унести бронзу.

Мужчины вышли из дома, когда начало смеркаться и дошли до кладбища уже в полной темноте. После Бори они еще несколько раз останавливались у разных могил, и отец рассказывал краткую биографию своих друзей, в разное время покинувших этот мир.

— Ты прикинь, Аркашка, у меня теперь здесь корефанов больше, чем в городе. Куда ни глянь — знакомая рожа.

— Да и у меня уже не мало, — согласился сын.

После этих слов оба замолчали. Их одновременно посетила мысль об их погибших родственниках, но они не стали делиться ими друг с другом, чтобы в очередной раз не переживать потерю близких. Отец понимал, что если он сейчас заговорит об этом, то сын с его непредсказуемым характером, вполне может повернуть домой. А Аркадия успокаивало то, что мать и брат были похоронены на другом конце кладбища.

Спустя полчаса мужчины подошли к нужной им могиле. Пётр ловким движением воткнул штыковые лопаты в землю, а Аркадий снял с плеча рюкзак и достал из него две керосиновые лампы.

— Я пока их зажигаю, ты венки убери, — скомандовал отец.

Аркадий принялся за дело с большим энтузиазмом, но не потому, что ему хотелось как можно быстрее добраться до вожаденного металла. Он понимал, что чем лучше будет работать, тем раньше они вернуться домой. Как только холм был освобождён, Пётр поставил лампы по краям могилы и мужчины принялись за дело.

— Землю аккуратно в одно место кидаем, чтобы потом легче было закапывать и меньше следов оставить, — назидательно проговорил Пётр.

К этому времени ветер стих и тревожное безмолвие окружило копателей. Надгробный холм мужчины разрыли достаточно быстро, а когда начали углубляться в землю, дело пошло медленнее. Аркадий работал усердно, внимательно прислушиваясь к кладбищу, но ничего, кроме редких, но зычных гортанных голосов ворон не слышал.

Глядя на то, как ловко отец орудует своей лопатой, он постепенно начал успокаиваться. До начала работ он не верил, что им удастся осуществить задуманное до утра, но решительный настрой напарника развеял все его сомнения. Периодически мужчины останавливались, чтобы покурить, глотнуть воды и подправить брусом кромки лопат.

— А они точно его похоронили? Вдруг сами в цветмет сдали? — Высказал предположение Аркадий.

— Точно, — успокоил сына отец. — Мне мужик из ритуала рассказывал. Гроб по спецзаказу делали. Тяжелючий, говорит, был, еле вынесли и в могилу опустили. Он себе спину тогда сорвал.

Несмотря на то, что захоронение было совсем свежим, почва уже успела уплотниться, и мужчинам пришлось приложить немало усилий, чтобы добраться до гроба. Как только они углубились в землю, то стали копать по очереди. Комья мокрой глиной прилипали к лопате, от этого она становилась тяжёлой, и приходилось всё чаще и чаще делать перерыв, чтобы её почистить. Первой о гроб ударила лопата Аркадия.

— Молодец, сынок, — обрадовался отец. — Вылазь-ка, дальше я сам.

Спрыгнув в яму, он быстрыми движениями снял оставшуюся глину с крышки. Потом взял гвоздодёр и вскрыл гроб, не испытав при этом особых затруднений.

— Ну, вот, а говорили, что гроб по спецзаказу сделан, — усмехнулся отец. — Открылся, как два пальца об асфальт.

Когда мужчины вытащили из могилы выломанные доски, сын осветил фонариком бронзовое лицо покойника, которое уже успело окислиться.

— Батя, я всё спросить хотел, а почему он бронзовым-то стал?

— Да хрен его знает, — ответил отец. — Из бронзы же обычно памятники делают. А их кому ставят? Важным деятелям каким-нибудь. Полководцам или писателям.

— А Ермаков, вроде и ни то и не другое.

— Ну, он, может быть, подумал о том, что он теперь тоже важный, раз его на второй строк двинули. Вот и забронзовел... Ладно, хорош бакланить, ножовку давай.

Аркадий достал из рюкзака слесарный инструмент и протянул отцу. Пётр вынул из кармана куртки нож и отрезал от брюк покойника одну штанину. Потом, используя в качестве рычага черенок от лопаты, приподнял из гроба тело мэра и начал пилить ему ногу.

— А это точно бронза? — спросил Аркадий, вспомнив эпизод с гирями из своего любимого фильма.

— Точно, — ответил отец, усердно работая ножовкой.

— Тогда надо было газетку подстелить.

— Зачем?

— Чтобы опилки собрать.

— Это же не золото, — усмехнулся отец, понимая, о чем думает его сын.

Аркадий посмотрел на экран мобильного. Стрелки показывали без четверти три. «Должны успеть», — подумал он.

Вдруг из могилы донёсся зычный голос отца:

— Ё... твою мать!

— Что случилось? — Спросил сын, заглянув в могилу.

Отец сидел на краю гроба. В одной руке он держал ножовку, а пальцы другой брезгливо обнюхивал.

— Это говно что ли? Ну-ка, Аркашка, прыгай сюда. Понюхай ты.

— У меня после «короны» нюх пропал, — ответил сын. — Ничего не чувствую.

— Б... ть, это же что получается? Он целиком набит говном?

Пётр продолжал в недоумении рассматривать бронзовое тело бывшего мэра, которое, по его предположению, было не чем иным, как емкостью для дерьма с толщиной стенки примерно в указательный палец. Как только мужчина пропилил дырку, так могилу окутала нестерпимое зловоние.

— Совсем ничего не чувствуешь? — Переспросил отец.

— Нет, — ответил Аркадий. — Я же говорю, корона.

— Тут же дышать нечем, — выбравшись из ямы, проговорил Пётр. — Давай тогда ты пили, раз ничего не чуешь, а то я там от вони оттопырюсь.

Когда сын скрылся в могиле, Пётр, порывшись в кармане, извлёк из него засаленную медицинскую маску и, пропитав водой, надел на лицо.

Аркадий до этого никогда не работал ножовкой и пока отпиливал ноги, сломал несколько полотен. Но потом приспособился и, когда отсоединял руки и голову, уже действовал намного увереннее. Всё это время отец стоял над могилкой и корректировал действия сына.

— Его можно было целиком забрать, если бы время было, — говорил Пётр. — Да пора когти рвать, скоро светать начнёт.

После того, как основанная часть работы была окончена, Аркадий поднял из могилы отпиленные конечности и голову мэра, уже освобожденные от говна, и по распоряжению отца, помыл их остатками воды.

— Ладно, давай закапывать, — скомандовал Пётр. Может быть, вонять меньше будет.

Они скидали в могилу доски и принялись засыпать могилу землёй. «Дорога домой была явно короче», — напевал про себя Аркадий давно забытую песню, стараясь работать, как можно быстрее, хотя к тому времени его спина уже нестерпимо ныла, а на ладонях вздулись багровые волдыри.

Наконец работа была окончена, и мужчины двинулись домой. Перемахнув через ржавую кладбищенскую ограду, они остановились перевести дух. Прикурив, прислонились спиной к сосне, и в это же момент резко пригнулись, услышав треск подломившейся ветки. Когда они подняли головы, то увидели крупную сову, смотревшую на них круглыми, абсолютно чёрными глазами, в которых читалось холодное и безразличное всеведение. Казалось, она ждала их здесь всё это время.

— Пошла отсюда, зараза! — сипло крикнул Пётр и швырнул в её сторону комок грязи.

Сова не вздрогнула. Она медленно, с невыразимым достоинством, повернула голову на сто восемьдесят градусов, словно показывая, что видит их насквозь, а затем так же бесшумно, как призрак, сорвалась с ветки и растворилась в ночной темноте леса.

— Пойдём, — сдавленно сказал Аркадий. — Пойдём быстрее.

Как только мужчины покинули кладбище, снова подул порывистый ветер, небо заволокло тучами и начал моросить холодный осенний дождь. До дома Пётр и Аркадий добрались насквозь промокшими. Смертельно уставшие, они спрятали в погребке мешки с бронзовыми останками мэра и принялись стирать одежду. Потом затопили баню и смыли с себя тяжёлую кладбищенскую грязь.

— Надо бы обмыть это дело, — сказал Аркадий, когда они вышли из парилки.

— А у нас есть чем?

— Нет, но можно в долг взять.

— А ты сможешь? — спросил отец. — Я не хочу никуда сегодня идти.

— Говно вопрос!

— Слушай, давай хоть сегодня без говна обойдёмся, — устало проговорил Пётр и натянул темно-синие сагиновые трусы. — Его и так сегодня было много.

Мария Магдалина

Спустя два дня после похищения частей забронзовевшего тела мэра города Андрея Тимофеевича Ермакова, Пётр с утра отправился на разведку по пунктам приёма металлолома. И первый же его визит закончился неудачно. Едва он, сделав вид, что интересуется ценами, начал разговор про «нестандартную» бронзу, как приёмщик, дядька с лицом заслуженного боксёра-тяжеловеса, шёпотом спросил:

— Что за металл?

— Да мелочь разная, — с невозмутимым видом ответил Пётр. — А что?

— Не слышал, что ли, как Ермакова распилили? По всем пунктам из ментовки разнарядка пришла: сообщать о любой бронзе.

На этом Пётр прервал разговор и поспешил поскорее убраться, пока приёмщик не начал дальнейшие вопросы. Затем он посетил остальные пункты, где скупали металл, но ситуация везде была зеркальной копией первой. Та же настороженность, тот же шепоток про «разнарядку», те же глаза, в которых читалось одно: «Приму, но сообщу в отдел».

Домой Пётр вернулся после обеда, и по тому, как швырнул в угол грязные сапоги, Аркадию стало ясно: дело дрянь.

— Мусора по всему городу шерстят, — сипло бросил он. — Есть чё пожрать?

— Я суп сварил, — ответил сын. — И чё теперь делать?

— А хрен его знает, — присаживаясь к столу, сказал отец. — Весь отдел на ушах, менты землю носом роют. На дно пока заляжем, а там видно будет.

Ситуация в городе действительно была напряжённой. Люди активно обсуждали похищение «останков» бывшего мэра. Смаковали детали, особенно подробности о том, как супруга покойного, Тамара Львовна, явившись на кладбище и обнаружив следы вскрытия, закатила истерику сначала в кабинете начальника полиции, а потом и у временно замещающего Ермакова на посту мэра.

Она требовала от них немедленно найти злоумышленников и вернуть части тела обратно, «дабы муж и на том свете был в полном комплекте». Криминалисты, по слухам, составили протокол, в котором с казённым бесстрашием зафиксировали: «Обнаружена эксгумация трупа с частичной ампутацией конечностей и цефалического отдела».

Когда стемнело, к избушке Петра и Аркадия подкатил чёрный Prado. Из машины неспешно вышел Егор — бывший водитель Андрея Тимофеевича. Он тоскливо посмотрел на их убогое хозяйство, поправил кепку с символикой какой-то автогонки и постучался в окно. Мужчины в это время увлеченно смотрели новости.

— Кого это там чёрт принёс? — испуганно спросил Аркадий, глядя на то, как его отец, одернув занавеску, вглядывается в темноту.

— Пойду, гляну, — ответил Пётр и, покинув избу, плотно прикрыл за собой дверь.

Выйдя за ворота, он остановился и спешно окинул взглядом плотную фигуру гостя, который доставал из пачки сигарету.

— Здравов, — проговорил Егор, брезгливо пожимая руку хозяину дома. — Слышал, вы тут сувенирами с кладбища обзавелись?

— Слухи, — смутился Пётр. — Больше болтают.

— Да брось ты, — Егор усмехнулся и прикурил. — А кто сегодня у Змея в приёмнике про цены на нестандартную бронзу спрашивал? Он мне всё подробно доложил. Так что заднюю не включай.

— Говорю же нет у меня ничего, — пытаюсь быть непреклонным, сказал Пётр.

— Мозги не крути или хочешь, чтоб я сюда с ментами заявился?

Петр промолчал.

— Слушай сюда, — продолжил Егор. — У меня к тебе коммерческое предложение.

— Какое?

— Мне эта бронза позарез нужна. Для одного проекта. Если договоримся — деньгами не обижу. А если не согласишься — в ментовку пойду. Так что думай.

— Хорошо, — после небольшой паузы ответил Пётр, — но метал у меня не здесь. Я же не дурак его дома хранить.

— Куда подъехать?

— Я его через пару дней сам сюда привезу.

— Договорились. Как будешь готов — звони. Мобила есть?

— Есть, — ответил Пётр.

— Тогда цифры записывай.

Пётр вернулся домой с задумчивым видом. С одной стороны, ему казалось, что это провокация, и как только он позвонит Егору, так сразу же нагрянет полиция, с другой — он надеялся на искренность покупателя. Ведь полицейские, заподозрив в похищении, могли бы просто доставить их в отдел и силой выбить признательные показания.

— Другого варианта у нас пока всё равно нет, — вздохнул Пётр, окончив свой рассказ. — Будем с ним мутить.

— Интересно, что у него за проект?

— А нам с тобой ни один ли хер? — справедливо заметил отец. — Нам бы бабок поднять, а там хоть трава не расти.

Через полчаса после разговора с Петром, Егор уже сидел на кухне Веры и пил коньяк. Женщина, закутавшись в махровый халат, стояла у окна и нервно курила. Уже целый месяц она находилась в состоянии, близком к панике. Каждое её утро начиналось с одного и того же ритуала: Вера подходила к зеркалу и смотрела, не появились ли на её лице новые морщины и не увеличились ли складки у губ. Она отчётливо понимала, что тот образ, который сражал наповал многих мужчин, понемногу исчезает.

Мысль о том, что Егор — человек простой и циничный — однажды посмотрит на неё так же, как она сама когда-то смотрела на постаревшую жену Ермакова, не давала ей покоя. По ночам, пока он безмятежно храпел, Вера ворочалась, а по щекам её текли тихие, горькие слезы отчаяния. Она чувствовала, как её главный капитал — молодость и красота — стремительно обесценивается.

Пребывая в состоянии слепой паники, она и позвонила Аделине, своему персональному экстрасенсу. Та выслушала её и, не предлагая никаких конкретных решений, изрекла размытую фразу: «Ищи силу в металле. В том, что прошёл через смерть и возрождение, что обрёл вечную форму, отринув тлен».

Вера положила трубку, чувствуя себя обманутой, но тут её осенило. Ермаков! Её бывший покровитель! Он же не просто умер, он забронзовел и обрёл ту самую вечную форму! «Разве это не знак? Разве это не голос Вселенной? — думала она. — Не его ли это последний, пусть и невольный, подарок?»

В её сознании, затуманенном страхом, тут же родилась алхимическая формула: сила власти, застывшая в металле, способна победить главного врага — время. Её спасение было не в кремах и не в уколах красоты, оно лежало в гробу, на городском кладбище, и на днях было кем-то похищено.

— Верка, вот никогда не поверю, что из бронзы можно сиськи сделать, — смеялся Егор. — Колись уже, зачем она тебе?

— Ты что так и не понял ничего?

— Нет, конечно. А что тут понимать?

— Это же не просто бронза, — потушив в пепельнице окурок, серьёзно произнесла Вера. — Эта чудодейственная бронза. Вот, смотри, что мне одна колдунья по знакомству написала.

Она взяла телефон и прочитала сообщение, полученное от Аделины:

— «Этот металл не обычный сплав. Это „одушевлённая“ бронза. Она прошла уникальный процесс „биологической трансмутации“ внутри живого организма. Её молекулярная структура запомнила состояние вечной жизни, остановки времени и распада, поэтому может затормозить старение и продлить молодость. Импланты из неё создадут вокруг себя стабильное биополе, которое заморозит возрастные процессы в окружающих тканях. Металл станет якорем, который не даст телу стареть». Но главное даже не это.

— А что? — поинтересовался Егор.

Сначала он скептически слушал свою любовницу, а когда дело дошло до слов о якорях, он, как бывший моряк, всерьёз заинтересовался этой передовой теорией.

— А то, что бронза — это металл-оберег. Колокола отгоняли нечисть, амулеты защищали. Поэтому бронза, в которую превратился человек, обладающий при жизни властью, считается сверхмощным оберегом.

— Ну а тяжёлыми они не будут? Как ты их таскать-то станешь?

— Там технология будет ультра-эсклюзивная, — парировала Вера. — Долго рассказывать, а ты всё равно не поймёшь.

— Ладно, поверю на слово, — выдохнул Егор и разлил по рюмкам коньяк. — Давай тогда бахнем за сделку.

— Надеюсь, ты их дождёшь?

— Конечно! Для тебя, солнце моё, всё сделаю, — проговорил Егор и, поцеловав любовницу в румяную щеку, опустошил рюмку.

На следующее утро Аркадий проснулся затемно. Его разбудил густой, сладковато-тошнотворный запах, бивший в нос мощной волной. Он сел на кровати, недоумевая. После ковида он уже полгода не чувствовал вообще ничего, а тут...

— Бать, — толкнул Аркадий отца. — Понюхай, воняет чем-то или нет?

Пётр, нехотя, открыл сначала один глаз, потом второй. И через секунду его лицо тоже исказила гримаса отвращения.

— Б... ть... — простонал он. — Говном опять воняет. Это Тимофеич нам житья не даёт.

Попытки проветрить избу, затопить печь и сжечь в ней одежду, в которой они ходили на кладбище, ни к чему не привели. Запах лишь слегка отступал, чтобы потом накрыть с новой силой. К полудню они сдались.

— Надо срочно металл сбегать, — произнёс Аркадий. — А то мы тут говном насквозь провоняем.

Не дожидаясь назначенного срока, Пётр набрал номер Егора и предложил ему подъехать.

— Я на работе сейчас, вечером заеду, — ответил он и положил трубку.

Когда стемнело к дому Петра и Аркадия снова подкатил чёрный Prado. К этому времени мужчины уже достали из погреба бронзу, а сами, борясь с невыносимым смрадом, сидели дома, дыша через влажные платки.

— Ну я подъехал, — проговорил Егор. — Сейчас задом к воротам сдам, чтоб загрузить без палева. Давай, открывай.

Когда автомобиль въехал во двор, Петр и Аркадий уже стояли с мешками наготове, всё ещё прикрывая лица влажными платками.

— Что с вами? — поинтересовался Егор, выйдя из машины.

Сообразив, что покупатель не чувствует вони, Пётр сказал, что у них поднялась температура и они не хотят Егора заразить гриппом.

— Так вы бы тогда маски медицинские надели, а не тряпки влажные, — усмехнулся Егор. — Какой от них толк?

— Денег нет купить, — ответил Аркадий.

— Грузите мешки, — скомандовал Егор. — Щас будут вам деньги.

Мужчины спешно погрузили бронзу в багажник.

— Вот вам пять штук. Смотрите, не забухайте, а в аптеку сходите, — назидательным тоном проговорил Егор и протянул купюру.

— Это всё? — спросил Пётр.

— А что ты хотел? Сам посуди сделка нелегальная. Я тоже рискую, поэтому и цена такая.

— Накинь ещё пять штук, — произнёс Аркадий. — А то совсем бесплатно забираешь.

— Не нойте, а скажите спасибо, что мусорам вас не сдал.

Пётр хотел было ещё поторговаться, но вдохнул воздух, пропитанный смрадом, и махнул рукой.

— Ладно, хрен с тобой.

Спустя месяц после покупки бронзы Вера пребывала в состоянии, близком к эйфории. Подпольный косметолог-универсал был до того ослеплён суммой аванса, что с энтузиазмом взялся за реализацию её безумного проекта.

Сначала он вживил ей в скулы сеть тончайших нитей из «одушевлённой» бронзы, которые, по его заверению, должны были создать «устойчивый каркас молодости». Затем провёл инъекции «мезококтейля» с бронзовой пудрой для увеличения губ, превратив их в два неестественно пухлых и холодных валика. Венцом же творения стали две анатомические пластины из тончайшей отполированной бронзы, которые он вживил ей в грудь, беззастенчиво приподняв и оформив то, что и без того волновало глаз большинства мужчин в городе.

Вера вертелась перед зеркалом, любуясь своей новой, безупречной кожей.

— Смотри, Егорушка! Как будто мне снова восемнадцать! Ни одной морщинки!

Егор, ошарашенный, не мог нарадоваться. Но через несколько дней Вера заметила, что её мимика стала слегка затруднённой. Улыбка давалась с трудом, а смех и вовсе стал похож на серию коротких, хриплых выдохов. Кожа, сначала просто гладкая, начала терять чувствительность и в скором времени приобрела стойкий розовато-коричневатый оттенок, будто её покрыли очень качественным автозагаром.

— Это «якорь» работает! — убеждает Вера себя и Егора. — Он замораживает мимические морщины! Просто коже нужно привыкнуть.

Но Егору это не нравилось. Его губы всё чаще натывались не на тёплую и отзывчивую плоть, а на холодную и инертную массу. В её поцелуях не было жизни — лишь металлический привкус, будто он целовал ручку медного самовара.

С каждым днём процесс бронзовой мумификации набирал обороты. Глубокая межбровная складка, которую Вера так ненавидела и тщетно пыталась разгладить уколами красоты, не исчезла. Наоборот, она стала рельефнее, превратившись в настоящую трещину, похожую на углубление в старой статуе. Движения Веры стали плавными, почти церемониальными, а походка — тяжелой, отчего её каблуки во время редких вылазок в магазин проваливались не только в грунт, но и асфальт. Она начала носить одежду только с высокими воротниками и длинными рукавами, скрывая расползающуюся по телу «бронзовую пигментацию».

В панике она помчалась к своему мастеру-косметологу. Тот, увидев её, побледнел и, заикаясь, сказал, что это индивидуальная реакция и металл пока не прижился, надо подождать. Тогда она попыталась найти другое решение. На приёме у дорогого пластического хирурга в частной клинике, когда она сняла шарф, врач отшатнулся.

— Мадам, это не моя компетенция! — проговорил он, глядя на её скулы, которые теперь явственно проступали под кожей холодным, жёлто-красным металлом. — Это... это похоже на какую-то аллергическую реакцию.

Осознание, что процесс необратим, привело Веру в ужас. Она заперлась в своей квартире и зашторила окна. Егор с ужасом наблюдал, как его любовница день ото дня превращается в звенящую, медлительную статую. Её голос стал глухим и низким, речь — замедленной, будто

каждое слово давалось с огромным трудом. Спустя месяц по городу уже поползли слухи о «Бронзовой Вере».

Егор, человек с предпринимательской жилкой, наблюдая за необратимой метаморфозой Веры, меньше всего думал о потерянной любви. Его мозг, отточенный годами службы при коррумпированном начальстве, выдал безжалостно логичный план. Если его любовница неминуемо превращается в произведение искусства, то это оно должно быть правильно оценено. И главное — иметь одного-единственного владельца.

Он подошел к делу с холодной расчетливостью менеджера по оптимизации активов.

— Верочка, солнышко, — сказал он, держа в своих ладонях её тяжёлую руку, — а давай распишемся? Для солидности. Чтобы все знали — ты моя, и ничья больше.

Вере, чей мозг уже с трудом функционировал, идея показалась романтической, и она согласилась. Когда дрожащей, теряющей гибкость рукой она поставила подпись в журнале регистрации, Егор с облегчением выдохнул. Теперь эта будущая бронзовая скульптура, этот арт-объект или, в крайнем случае, приличное количество лома цветного металла — всё это по закону принадлежало ему.

Однажды Егор, вернувшись с работы, застал Веру в центре гостиной, залитой тусклым светом лампы. Она не двигалась. Её тело окончательно приобрело цвет старой, окислившейся бронзы и застыло в позе кающейся Марии Магдалины: одна рука прижата к груди, а взгляд полный раскаяния был устремлен в потолок.

Егор обошел статуя кругом, внимательно изучая фигуру Веры.

— Ну вот, ты теперь действительно будешь вечно молодой, — вздохнул он, и ему тут же пришла в голову мысль о том, куда он сможет пристроить свою забронзовевшую любовницу.

Через три дня он получил справку о смерти Веры и, надев свой лучший пиджак, отправился в католический собор. По дороге Егор мысленно репетировал беседу и обдумывал, как будет вести переговоры. Однако, едва переступив порог храма и почувствовав запах ладана, он с удивлением ощутил, как его речь обретает несвойственные ей почтительные и витиеватые интонации. Слова полились сами собой, будто кто-то подсказывал их ему изнутри.

— Отец Игнаций, — начал он, склонив голову. — Находясь на смертном одре, ко мне обратилась моя покойная супруга. Она желала, чтобы её земной облик, в который по воле Господа она была обращена, послужил укреплению веры.

Он достал телефон и показал фотографию бронзовой статуи, застывшей в позе кающейся грешницы. А затем с лёгкостью аукциониста, выставляющего на торги известную работу, озвучил её стоимость.

— Видите, какое набожное выражение лица? Какая глубокая скорбь! Людская молва уже разносит, что она чудеса творит, дарует молодость, — на ходу сочинял Егор. — Представляете, какой поток паломников будет в ваш собор?

Лицо ксёндза осталось невозмутимым, но его глаза, привыкшие читать не только псалтырь, но и сметы, сузились.

— Сто тысяч, отец. Учитывая уникальность и... духовную ценность — предложил Егор.

— Сын мой, — священник сложил пальцы домиком. — Церковь не покупает святыни, но мы с благодарностью принимаем дары.

— Я и говорю о даре! — подхватил Егор. — Супруга завещала себя передать вам и быть установленной в соборе. Я, как верный муж, лишь исполняю её волю. Но ведь доставка такого уникального... артефакта... требует и особых расходов...

— Сто тысяч на доставку? — отец Игнаций мягко усмехнулся. — Сын мой, мы не на аукционе Sotheby's. Церковь смотрит на вещи с иной перспективы. И с этой точки зрения, сумма выглядит завышенной. Пятьдесят.

— Пятьдесят? — Егор сделал вид, что поперхнулся. — Отец, да это же ручная работа! Чувствуется вдохновение свыше! Взгляните на патину... это же не имитация, это благородное старение души! Девяносто.

— Старение души? А над переносицей глубокая трещина. Шестьдесят. И то, только потому, что выражение лица у неё и впрямь... набожное.

— Так это не трещина, это авторский штрих! Символизирует жизненные трудности и размышление о вере! — парировал Егор. — Восемьдесят пять.

Ксёндз развёл руками.

— Вы должны понимать, что приобретаете не просто статую, а готовую святую! — продолжал вдовец. — Вам даже чудеса придумывать не надо — всё уже придумано. Народ сам поверит.

— Церковь ничего не придумывает, — перекрестился отец Игнаций и с лёгкой ухмылкой протянул руку. — Восемьдесят и деньги после того, как она у нас простоит месяц. Надо же убедиться, что Вера... то есть, металл — крепкий.

— Договорились, — Егор пожал прохладную кисть священника и подумал, что иметь дело с риэлторами было куда проще.

Так католический собор обрёл новую святыню — статую Святой Вероники, которую установили в нише у центрального входа.

Прошло несколько месяцев. К собору потянулись верующие, особенно женщины. По городу поползла молва, что бронзовая святая творит чудеса — стоит прикоснуться к ней, как морщины разгладятся, а кожа подтянется. И Вера, пусть и после смерти, но обрела вечную молодость, всеобщее поклонение и стабильный доход, правда, в виде смытых купюр и монет, опускаемых в церковный ящик.

А Егор, недолго думая, на вырученные деньги вложил в бизнес — купил ларёк с шаурмой, но в первый же свой рабочий день погиб от удара по голове упавшей вывеской. Ржавый угол металлической конструкции прицельно угодил ему в теменную кость. В тот день был сильный ветер, но бывший водитель Ермакова проигнорировал сообщение МЧС.

Петр и Аркадий, услышав об этом, перекрестились и подумали, что сделка с Егором оказалась выгоднее, чем они думали. Они продали не просто металл, а проклятие.

— Хорошо, что мы вовремя избавились от этой бронзы, — с облегчением заметил Пётр. — До добра бы она нас точно не довела.

— Жаль только, что денег на кодировку не хватило.

— Да, скупердяем Егорка был, скупердяем и помер. Говно был мужик.

— Нам бы завязать как-то, — вздохнул Аркадий.

— Завяжем, Аркашка, слово даю, завяжем. С понедельника. А сегодня ещё выпьем за упокой его души и за наше с тобой здоровье.

Опустошив бутылку водки, Пётр и Аркадий решили прогуляться до собора и посмотреть на застывшую в бронзе Веру, которая стояла в нише за решёткой из тонких прутьев. Когда они пришли на место, уже стемнело. Мастерски подсвеченная статуя, олицетворяла покаяние и размышление о вечной жизни. Мужчины застыли у изваяния, и каждый подумал о своём.

«Красивая же была баба, — размышлял Пётр. — И на какой хер она себе эти импланты вставила?»

Аркадий же смотрел не на статую, а на решётку, за которой стояла Вера. И ему вдруг, с неожиданной ясностью, пришло в голову, что это ограждение — не для того, чтобы охранять святую от людей. Она — чтобы охранять людей от святой. Чтобы они, желая чуда, ненароком не порезались об острые края её несбывшихся надежд.

Случаи

I'll be back¹

Получив от мэра задание, написать бодрую и жизнерадостную заметку о прошедшем субботнике, Виктор вернулся на своё место и, тяжело вздохнув, уставился в монитор. Нужные слова, как назло, куда-то запропастились. Он машинально положил руки на клавиатуру, на мгновение замер, а потом застучал по клавишам с выражением лица человека, строчащего донос.

«Данное мероприятие было ознаменовано...» — вывел помощник пресс-секретаря, мысленно смакуя каждую букву, и тут же скривился. — Нет, не так.

Виктор откинулся на спинку стула, потер переносицу, сделал глубокий вдох и, удалив набранное, предпринял вторую попытку:

«Вчера сотрудники администрации приняли участие в мероприятии...»

— Ненавижу это слово! — одними губами прошептал Виктор, чувствуя, как в груди закипает глухое раздражение. — Меры-при-я-ти-е. Жесть.

Для него оно было таким же безликим и унылым, как лицо секретарши мэра. Не в силах больше выдавливать из себя нужные слова, он резко поднялся и, решив взять паузу, отправился на кухню — единственное место в этом здании, где в последнее время он так любил находиться.

Виктор работал в отделе по связям с общественностью мэрии города N уже третий год. Срок, надо сказать, немалый: ровно столько обычно требуется, чтобы из полного сил и энтузиазма выпускника филфака превратиться в законченного циника, потерявшего последний интерес к работе. А заодно и к людям, к новостям, да и, если честно, к самому городу N.

Познакомившись с тем, как устроена местная власть изнутри, он лишился последних иллюзий. Они рассыпались примерно через полгода, когда он впервые увидел, как бодрый отчёт о проделанной работе рождается прямо в кабинете, в то время как за окном эта самая работа даже не начиналась. Он увидел механизм: шестеренки крутятся, доклады пишутся, галочки ставятся, но колеса телеги, которая должна везти город к светлому будущему, даже не думают вращаться.

Самым смешным и страшным было наблюдать за теми немногими, кто приходил во власть с искренним желанием сделать что-то хорошее. Попадая в «болото» мэрии, они менялись на глазах и быстро становились апатичными. Они вязли. Сначала по щиколотку в соглашениях, потом по пояс в бесконечных планёрках, а затем с головой уходили в тихое, безнадежное равнодушие. Трясина засасывала тихо, но неумолимо. Люди просто переставали хотеть что-либо менять — это было единственным условием выживания.

Коллектив отдела, состоявший из трёх сотрудников, ютился в трёх крошечных комнатах мэрии, в одной из которых была обустроена кухня с электрическим чайником, микроволновой печью и холодильником. Виктор наполнил кружку кипятком и окунул в него чайный пакетик. Прозрачная жидкость начала медленно окрашиваться в темно-коричневый цвет. Он подумал, что и его жизнь, напоминавшая когда-то чистую родниковую воду, смогла быстро наполниться непонятной мутью, от которой уже тошнило.

Первое время он старался разнообразить контент — цеплялся за живые детали, пытался шутить, искал нестандартные формулировки и заголовки. Но, быстро и показательно «получив по рукам» от пресс-секретаря, сдался. Стал предсказуемым. Теперь его тексты получались

¹ Я вернусь

какими-то тяжеловесными и неуклюжими. Штампы выползали из-под клавиш сами собой: «тёплая атмосфера», «активное участие», «на должном уровне». Он их ненавидел, но другого языка система не понимала.

Однако шеф был доволен. «Вот, другое дело, — говорил он, бегло просматривая заметки. — Солидно. По-взрослому». Виктор же, перечитывая свои опусы в ленте новостей, каждый раз морщился, будто разжевал пригоршню клюквы.

На кухне было прохладно — мэрия сэкономила на отоплении, как будто это были личные деньги кого-то из чиновников. Виктор обхватил ледяными ладонями кружку с изображением пухлых котят кисти Васи Ложкина — подарок бывшей девушки на прошлый Новый год — и почувствовал, как по его худощавому телу медленно растекается спасительное тепло.

Котята на кружке, толстые и философски-спокойные, шурились на него с откровенной насмешкой: мол, мы тут лежим, нам хорошо, а ты иди, работай.

— А ещё же нужно интервью с мэром делать, — сказал он самому себе вслух, словно надеясь, что голос в пустой кухне разбудит в нем хоть каплю энтузиазма.

Глубоко вздохнув, он решительно выбросил чайный пакетик в урну, который шмякнулся о дно с противным мокрым звуком.

Согрев руки, Виктор громко, по-стариковски, отхлебнул чаю и прислушался к тому, как обжигающая пищевод жидкость медленно проникает в пустой желудок. Потом он зажал в теплом кулаке свой холодный, с легкой горбинкой нос, доставшийся от прадеда — полковника НКВД, и совершенно неуместный на лице субличного и вечно замерзающего зимой интеллигента, — и пожалел о том, что не прихватил из дома бутерброды.

«Неплохо бы было сейчас перекусить, — подумал он рассеянно, глядя, как пар от чая оседает на холодном стекле кухонного шкафчика. — Глядишь, сразу бы и слова нужные нашлись».

Он представил себе идеальный бутерброд: толстый ломоть бородинского хлеба, масло и кусок докторской колбасы. Картинка была такой яркой, что Виктор сглотнул слюну. В пустом желудке благородно заурчало.

«Да ну, бред, — тут же одернул он себя. — Какие бутерброды? Там никакая колбаса не поможет. Тут надо водки выпить, тогда только слова нужные найдутся».

В это время на кухню вошла Светлана, коллега Виктора и соседка по кабинету, отвечавшая в отделе за визуальный контент.

— А что ты меня чай пить не позвал? — укоризненно проговорила женщина и, взглянув на него своими цепкими, как два клеща, глазами, направилась к чайнику. — Сижу там, бумажки перебираю, а он тут чай гоняет в одиночестве.

— Так тебя же на месте не было, — виновато пробормотал Виктор, чувствуя себя школьником, которого застукали за чем-то неприличным.

На вид Светлане было около сорока пяти. Её фигура уже потеряла былую стройность, но, благодаря умело подобранной одежде, пока ещё выглядела вполне презентабельно. Год назад она развелась с мужем и, попав в категорию женщин, находящихся в активном поиске, сразу выкрасила волосы в агрессивно рыжий цвет. Теперь она напоминала пожарную машину на пенсии — всё ещё яркая, но уже слегка потрёпанная жизнью.

— Ну и что сидим? — спросила она, поворачиваясь к нему с кружкой в руке. — Муза не приходит?

Она принадлежала к той категории женщин, поступки которых всегда находятся в прямой зависимости от настроения. Если оно было хорошим, то дама готова была любить и носить на руках весь мир, а если — не в духе, то её мрачный взгляд и подчеркнута сухие фразы, говорили о том, что разговор с ней лучше не заводить. По крайней мере до того момента, пока она не попьёт кофе.

Последнее время соседи по кабинету никак не могли найти общий язык. Панически боясь заразиться коронавирусом, Светлана, не снимая, носила маску, требуя аналогичного поведения и от своего соседа.

— Зачем мне надевать маску, если ты её носишь? Ты же себя уже обезопасила, вот и успокойся, — говорил Виктор.

— Ты сидишь рядом, дышишь, распространяешь вирус, а я его вдыхаю.

— С чего это ты взяла, что я распространяю вирус? Я не болею.

— А откуда мне знать? Может быть, ты болеешь, но бессимптомно, а я недавно прививку поставила и мне в течение шести недель нежелательно контактировать с носителем вируса.

— Так ты же в маске.

— А почему я одна должна бороться с бактериями? Почему мужчина всё привыкли перекладывать на хрупкие женские плечи? Мы оба должны ответственно относиться к здоровью друг друга. Вот почему ты не хочешь вакцинироваться?

— Я привьюсь, возможно, но потом, когда вакцина будет надёжной. У человека должен быть выбор.

— Это называется чужими руками жар загребать, а не проявлять свободу гражданского выбора!

— Я ничего не хочу чужими руками загребать, — продолжал оправдываться Виктор.

— Хочешь! Ещё как хочешь! Ты хочешь быть здоровым за мой счёт! В рай въехать на моём горбу! Подождать, пока на нас прививки испытают и потом поставить себе проверенную. И никак не можешь понять, что мир сейчас находится в состоянии войны, в моменте формирования коллективного иммунитета! И я на переднем крае, а ты сбежал в кусты, как дезертир. Но я тебе не подопытный кролик! В общем, если ты не наденешь маску, я напишу докладную Викентию Павловичу.

Виктор долго сопротивлялся, но ему всё-таки пришлось уступить. Массовый психоз, который овладел сознанием большинства работников мэрии, подействовал и на начальника их отдела — пресс-секретаря мэра — Викентия Павловича, который, в конце концов, издал приказ об обязательном ношении масок всеми работниками отдела.

Однако Виктор всё же нарушал это распоряжение. Работая за компьютером, он опускал средство индивидуальной защиты на подбородок. Но на этот демарш, который создавал лишь видимость свободомыслия, Светлана внимания не обращала, удовлетворённая тем, что победила в их споре и нашла способ надеть на своего соседа, как она выражалась, намордник.

За всеми этими спорами угадывался её общий критический настрой по отношению ко всем, по её мнению, ничего не представляющим из себя мужчинам. Именно таким она считала и своего супруга, который, устав от её бесконечных претензий, не просто ушёл от Светланы, а переехал в другой город.

— Ты знаешь, что сегодня к нам Абдулла Маратович придёт? — спросила она, продолжая недобрыми глазами смотреть на коллегу.

Положив в кружку две ложки растворимого кофе, Светлана начала энергично двигаться по кухне, заглядывая во всех шкафы и ящики небольшого кухонного гарнитура.

— Это зачем ещё?

— Хочет нам спасибо сказать за то, какую мы ему поддержку на депутатских выборах оказали.

— А ты откуда знаешь?

— Он мне сам звонил, — с важностью проговорила она, и выразительно подняла свои широкие брови, плод кропотливого труда косметолога.

«Свалить бы куда-нибудь», — подумал Виктор.

— Кстати, Викентий Павлович сказал, чтобы мы были на месте. Ты сахар случайно не видел?

— Нет. А во сколько он придёт?

— Он сейчас с мэром общается. Как только закончит все свои дела — сразу к нам.

— Понятно, деваться некуда, будем ждать, — обреченно вздохнул Виктор.

— Ты так говоришь, как будто тебе неприятно видеть Абдуллу Маратовича. А он, кстати, много хорошего для нас делает.

— И что он для нас делает?

— Поддерживает во всём, — загадочно проговорила Светлана и, резко повернувшись, смахнула со стола свою кружку, которая, ударившись об пол, разлетелась на несколько крупных осколков.

Глядя на то, как тёмно-коричневая жидкость растекается по линолеуму, Виктор вдруг вспомнил сцену из первого «Терминатора», где герой Арнольда Шварценеггера громил полицейский участок. Разыскивая Сару Коннор, он врвался во все кабинеты и хладнокровно расстреливал стражей порядка. Услышав звук выстрелов, один из них выбежал в коридор с чашкой кофе, и пуля, выпущенная терминатором, попала прямо в неё...

— Посуда бьётся к счастью, — попытался успокоить женщину Виктор.

— Что за банальщина, — как будто бы предчувствуя неладное возмутилась Светлана и выбросила в урну пришедшую в негодность посуду.

Вернувшись в кабинет, Виктор сел за компьютер и снова начал набирать текст. «Благодаря осеннему субботнику у каждого есть возможность не только навести порядок на территории, но и разогнать грусть в печальную пору увядания природы, а также просто размяться на открытом воздухе». Журналист бодро стучал по клавиатуре, пытаясь представить, как чиновники энергично орудуют граблями и живо между собой переговариваются, собирая в кучи пожухлые листья.

Спустя некоторое время на своё рабочее место вернулась и Светлана, громко разговаривая с кем-то по телефону. «В субботнике самое активное участие принимал Михаил Михайлович Озеров, исполняющий обязанности мэра города, который...», — на этом слове Виктор, сбившись с мысли разговором коллеги, снова забуксовал.

И в этот момент дверь в их кабинет распахнул сам Абдулла Маратович. Депутат выглядел безупречно. Дорогой костюм, безукоризненно сидевший на его статной фигуре, швейцарские часы, шелковый яркий галстук и эффектные запонки, как завершающий штрих стильного образа, все это говорило о том, что у него отличный вкус и приличный финансовый достаток.

Раскрасневшееся от выпитого алкоголя широкое лицо крепко сбитого татарина расплылось в улыбке, когда он нежно обнял Светлану.

— Вот ты где, вот где, красавица моя, — сказал он с лёгким восточным акцентом. — Вот за что я тебя люблю, Светочка, так это за то, что ты всегда такая позитивная!

— Спасибо вам, — манерно поблагодарила она, — всегда волнительно такие слова от вас слышать.

— Многих женщин в парчу, жемчуга одевал, но не мог я найти среди них идеал. Я спросил мудреца: «Что же есть совершенство?» «Та, что рядом с тобою!» — он мне сказал, — без запинки процитировал Омара Хайяма депутат, не выпуская из объятий Светлану, которая в ответ зашлась фальшивым смехом.

Потом Абдулла Маратович крепко пожал холодную ладонь Виктора и пригласил их на кухню, где, как он выразился «чуть пригубить игристого вина по случаю его избрания в депутаты».

Когда гость покинул кабинет, Светлана, глядя в миниатюрное зеркальце, начала в срочном порядке осматривать своё лицо, поправляя густой макияж, а Виктор выключил компьютер, решив для себя, что бокалом шампанского он сегодня не ограничиться.

Когда они зашли на кухню, гость уже стоял за столом в компании Викентия Павловича, полного мужчины средних лет в тёмном пиджаке, похожем на френч.

— Вы так много для меня делаете, — говорил депутат, наполняя вином бокалы. — Хочу выпить за вас! И за нашу дружбу! Добросовестных и умных уважай и посещай — и подальше, без оглядки от невежды убегай! Спасибо вам, дорогие мои!

Абдулла Маратович по очереди со всеми чокнулся и одним глотком осушил бокал.

— Это вам спасибо! За вашу энергию и оптимизм! — произнёс в ответ Викентий Павлович. — С вами всегда приятно иметь дело.

Викентий Павлович возглавлял отдел уже почти десять лет. Такой долгий срок в должности пресс-секретаря он сумел проработать лишь потому, что обладал уникальным даром, который в своё время позволил партийному функционеру Советского Союза Анастасу Микояну продержаться «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Ему так долго приходилось лавировать «между струйками», что даже когда дождь иногда ненадолго прекращался, он по привычке продолжал маневрировать, скрываясь от невидимых потоков воды...

— Если вы позволите, — депутат обратился к мужчинам, — я хочу поднять тост за Свету, Светочку, Светлану. К сиянию луны, красавицы ночной, добавлю я тепло, даримое свечой, сверканье сахара, осанку кипариса, журчание ручья и выйдет облик твой.

Читая это четверостишие восточного поэта, Абдулла Маратович пристально посмотрел на алый рот и изящно подведенные глаза Светланы, а потом легко коснулся своим бокалом её фужера.

— Что мне для вас сделать, друзья? Давайте я вам принтер подарю, — сказал он.

— Это было бы очень кстати, — сказал Викентий Павлович.

— Я для друзей на всё готов! — улыбаясь, проговорил депутат. — Много зла и коварства таится кругом, ты людей не найдёшь в этом стаде людском. Каждый встречный тебе представляется другом, подожди: он окажется лютым врагом.

После этих слов Абдуллы Маратовича на кухне возникла неловкая пауза. Присутствующие, не ожидая того, что гость, ещё недавно признававшийся им в любви, вдруг назовёт их «стадом», в недоумении смотрели на депутата, который продолжал улыбаться.

— Сколько же всё-таки мудрости заложил в свои стихи Омар Хайям, — медленно проговорил Викентий Павлович, пытаясь разрядить обстановку. — Его стихи настолько глубоки, что порой тот смысл, который лежит на поверхности, не соотносится...

— Предлагаю выпить за женщин, — депутат резко перебил редактора. — Едва ты вышла в сад, смутился алый мак, не успокоится от зависти никак. А что же кипарис тебе не поклонился? Увидел дивный стан, его хватил столбняк!

После этих слов Абдулла Маратович схватился за горло, дёрнулся, будто его ударило током. Толстые пальцы в перстнях побелели от напряжения, впиваясь в собственную шею так, будто хотели задушить невидимого врага. Рот его открылся, но вместо слов оттуда вырвался только сил্পый, булькающий звук, и депутат всем своим могучим телом рухнул назад, как падает срубленное дерево, сокрушив хлипкий кухонный стул.

Викентий Павлович и Светлана застыли, глядя на гостя, чьё тело начало выгибаться — сначала плавно, потом все сильнее, выламываясь в пояснице так, будто внутри него боролись за свободу два разных существа.

Первым пришёл в себя Виктор.

— Скорую вызывай, — крикнул он Светлане и склонился над депутатом, которого уже бил припадок.

Виктор попытался ослабить хватку Абдуллы Маратовича, чтобы расстегнуть верхние пуговицы рубашки, но широкие ладони депутата были надёжно сцеплены. Под пальцами Виктора они ощущались странно — не как живая плоть, а как что-то плотное, горячее и гладкое. Слишком гладкое для человеческой кожи.

— Помогите мне! — крикнул Виктор, чувствуя, как пальцы Абдуллы Маратовича всё глубже впиваются в шею. Хватка у депутата была мёртвая, нечеловеческая.

Викентий Павлович, словно очнувшись от летаргического сна, навалился коленом на тело, придавил его к полу и, ухватившись вместе с Виктором за крепкие запястья гостя, рванул на себя. Ладони медленно поползли в стороны, оттягивая кожу на горле. Сначала она просто натянулась, потом пошла складками, а следом — побелела.

— Осторожнее, — испуганно выдохнула Светлана. — Вы ему шею порвете!

Но Виктор уже понял: здесь что-то не так. Под пальцами он чувствовал не живое тепло, не пульс, а что-то твердое и равномерно вибрирующее. Будто держал работающий будильник.

И в этот момент раздался глухой и вязкий звук, с которым лопается натянутая резина. Это порвалась кожа на шее Абдуллы Маратовича. Сначала Виктор увидел край разрыва — тонкий, неестественно ровный, будто надрезанный скальпелем. Оттуда не выступило ни капли крови. Вместо этого в прорехе блеснуло что-то серебристое, влажно поблескивающее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.